

Трое людей неловко ждали, когда им принесут еду.

Официант поставил тарелки одну за одной на пустое место на столе, между Шан Цзинем и Шан Мином и прямо напротив Е Чжоу.

Основа горшочка с уткой и мандаринами была острой и пряной, ярко-красной с одной стороны и свежей, ароматной и лёгкой с другой. Примерно восемьдесят процентов этого блюда — мясо.

Шан Цзинь взял тарелку с бараниной и вылил всё это в пряное масло.

— Эх, ты должен был положить немного с обеих сторон, — Е Чжоу не выдержал, взял ещё одну тарелку с говядиной и положил по несколько кусочков с каждой стороны.

— Е Чжоу, зачем ты так стараешься с этим справиться? Он такой взрослый и всё ещё не понимает, что хочет есть? — Шан Мин фыркнул и, сопоставив силы с Шан Цзинем, взял мясо с тарелки рядом с собой и бросил его в горшок.

— Ребята, притормозите, — такое тонко нарезанное мясо нужно дважды бланшировать, а затем съесть. Они так много кинули за раз, это всё было напрасной тратой! Мясо будет просто пережарено!

Увидев, что эти двое не собираются останавливаться, Е Чжоу ударил по столу и яростно спросил:

— Вы, ребята, вообще понимаете, как есть подобное блюдо?!

Оба парня наконец остановились.

Е Чжоу презрительно сказал:

— Все остальное я возьму на себя. Вы, ребята, возьмите на себя только поедание.

Шан Цзинь взял палочки для еды и привычно потянулся к прозрачной стороне. Палочки даже не успели его коснуться, Шан Цзинь повернул запястье и взял бледно-жёлтый бамбук, окрашенный слоем масла чили. Он положил в свою миску мясо в перце чили не от досады, он просто хотел попробовать то, что любил Е Чжоу.

Е Чжоу до этого действительно не видел, чтобы Шан Цзинь ел что-то острое. Е Чжоу и Чжоу Вэньдао регулярно ели в этом ресторане. И острота в блюдах здесь была чрезмерна. Если Шан Цзинь обычно не ел острое, то пробовать что-то подобное здесь было не лучшим решением. Е Чжоу налил в миску прозрачного бульона и поставил её рядом с Шан Цзинем, сказав:

— Было бы лучше, если бы сделал глоток супа.

Из-за голода живот Шан Мина, который за утро съел только кусочек хлеба, пел, словно просил о помощи. После того, как мясо было приготовлено, ему не терпелось наконец поесть. Он собирался есть, даже кончик его носа вспотел, но когда он увидел внимательное и осторожное поведение Е Чжоу, он остановился. Его взгляд задержался между этими двумя всего на мгновение, после чего он продолжил есть.

Шан Цзинь посмотрел на прозрачный бульон и сунул в рот мясо.

Его рот наполнила острота, он словно онемел. Тем, кто не умел есть острую пищу, было действительно трудно приспособиться к подобному. Но кем тогда был Шан Цзинь? Как бы трудно ни было адаптироваться, он всё равно продолжал есть кусочек за кусочком, не меняя лица.

Е Чжоу удивлённо вскинул брови:

— Ты можешь это есть?

Шан Цзинь сдерживал жар во рту, кивнул и сказал:

— Терпимо.

— Неплохо, — Шан Мин, приподняв уголки губ, использовал палочки для еды, чтобы поднести к Шан Цзиню кусок утиной крови. — Е чжоу любит это есть. Попробайся.

Если он не ошибся, Шан Цзинь определённо не любил внутренности животных. Он был человеком, который максимально противился есть подобное. Поэтому Шан Мин специально сказал, что Е Чжоу любит подобное, чтобы увидеть ответную реакцию.

Разумеется, Шан Цзинь посмотрел на этот кусочек и заколебался.

— Если тебе не нравится, не ешь, — Е Чжоу посмотрел на Шан Мина. — У него у самого есть руки. Тебе обязательно давать ему еду?

Шан Мин избегал его взгляда:

— Мне очень жаль. У меня были добрые намерения. Я посчитал это вкусным и захотел поделиться. На мгновение я забыл, что другой человек может подобное не принять. Если тебе не нравится, просто не ешь.

Шан Цзинь вложил в рот утиную кровь и сказал:

— Вкус неплохой.

Когда Шан Цзинь сказал, что ему понравилось, Е Чжоу неожиданно почувствовал небольшую радость. В его глазах загорелся огонек, и он с надеждой спросил:

— На самом деле, моллюски и тому подобные вещи очень вкусные. Хочешь попробовать?

— Если ты так говоришь, как я могу отказаться? — когда Шан Цзинь закончил это предложение, он понял, что, похоже, он никогда не отказывал Е Чжоу с самого начала, даже когда тот тайно его фотографировал.

После обеда Е Чжоу хотел взять Шан Мина на прогулку по живописным местам города. Шан Цзинь тактично расстался с ними.

После такого количества специй, парень чувствовал, что его рот онемел до такой степени, что не имело значения, пил он воду или нет.

Медленно ожидая, когда онемение хоть немного спадёт, Шан Цзинь подошёл к общежитию и собирался уже войти, но вдруг кое-что придумал. Он подошёл к парковке и на машине поехал к ближайшему цветочному и птичьему рынку.

Поскольку в прошлый раз горшок сломался, у него не было времени купить новый. Подумав, что клубника в горшках будет расти всё выше и выше, Шан Цзинь решил уладить всё за один раз и купил большой двадцатисантиметровый горшок и удобрение для почвы. Вернувшись в общежитие, он пересадил рассаду клубники в новый горшок.

Самый большой лист выглядел немного увядшим, но из центра снова выростали маленькие бутоны. Шан Цзинь слегка прикоснулся к ним и мягко сказал:

— Вырастайте быстрее.

В период Первомайского праздника даже днём в живописных местах было полно людей. Е Чжоу и Шан Мин были в автобусе лишь десять минут, и он уже переполнился.

Шан Мин вытер пот и тихонько проворчал:

— Ты говоришь, почему ты не отдыхал дома во время праздника, для чего мы вышли?

— Живость, ради которой ты вышел сегодня — это та живость, ради которой все люди пришли

сюда, — когда двое парней вошли в автобус, там были места, но было слишком много родителей с детьми, поэтому они не успели их занять. Зжатые среди толпы, они раскачивались влево и вправо при каждом повороте. — Терпи, мы приедем через двадцать минут.

С трудом Шан Мин сделал два шага к Е Чжоу. Почти что прижавшись к нему, он прошептал:

— Е чжоу, это... — слова были сдержаны на полпути. В автобусе было так много, что даже если бы они говорили тихо, это всё равно было бы слышно окружающим. — Забудь.

— А?

Е Чжоу недовольно заметил:

— Скажи, просто скажи. Или ты решил подразнить, а потом убежать?

— Я скажу тебе, когда мы выйдем.

Они с большим трудом выстояли, когда наконец добрались до своей остановки. Е Чжоу вытащил его и вместе с толпой вышел из автобуса.

Е Чжоу тяжело дышал и сказал:

— Ты теперь можешь продолжить?

— Разве я не спросил у тебя вчера, есть ли у тебя кто-то, кто тебе нравится?

Е Чжоу коснулся его носа и сказал:

— Почему ты снова об этом говоришь? Я сказал тебе, что между нами пока что ещё ничего нет.

«Пока что ещё ничего нет?»

«Серьёзно?!»

Утром Шан Мин не понял, почему Шан Цзинь так прицепился к нему, но после небольшого наблюдения за обедом, у него в глубине души появилась мысль. Также из-за этого понимания Шан Мин решил закрыть глаза на грубость Шан Цзиня. В конце концов, любой, кто видел человека, который им нравится, обнимающим и спящим вместе с кем-то, не был бы счастлив.

За одно короткое утро Шан Мин, будучи сторонним наблюдателем, смог почувствовать, что Е Чжоу был скрупулезен до мельчайших деталей с Шан Цзинем, а тот не оставлял без внимания Е Чжоу.

Е Чжоу вроде бы нравился Шан Цзинь. Как он мог сказать, что между ними ещё ничего не началось?

Шан Мин же и так приехал, чтобы избавиться от скуки. В конце концов, ему всё ещё приходится дёргать за ниточки своего лучшего друга. Он почувствовал, как тяжела его ноша и как он устал. Он продумал свои дальнейшие слова и сказал:

— Фактически, между двумя парнями инициатива проявляется одинаково. Многие вещи сводятся к разговорам. Ты должен рассказать ему, что ты чувствуешь. Когда ты это скажешь, он поймёт.

Е Чжоу вздохнул и сказал:

— Важно то, что я не уверен, что он готов принять парня. В конце концов, если ты с парнем, то внешний мир всегда будет странно на вас смотреть.

Шан Мин моргнул. Как бы он ни выглядел, Шан Цзинь не был похож на человека, которого заботят сплетни. Об этом не нужно было беспокоиться.

— Общество стало более инклюзивным. Даже если парень будет с парнем, ситуация не такая уж сложная.

— Тем не менее, я всё ещё беспокоюсь об этом, — Е Чжоу вздохнул. — Но сейчас самое главное — сблизиться с ним.

Шан Мин был поражён:

— Разве жить под одной крышей — это не достаточное сближение?

Е Чжоу не понял:

— Под одной крышей? Мы ещё не проводили время наедине.

— Не проводили время наедине? — Шан Мин был ошеломлён.

— Ага. С нашей последней встречи прошло почти два месяца.

— Что... — в мозгу Шан Мина появилась тень замешательства. — Тебе не нравится Шан Цзинь?

— Шан Цзинь? — Е Чжоу сначала испугался, а затем его лицо покраснело. — Как мне может понравиться Шан Цзинь? Ты издеваешься? Боже, весь класс понял меня неправильно, но как ты мог?

Е Чжоу не выглядел так, словно он лгал. Шан Мин с сомнением спросил:

— Тогда кто тебе нравится?

Е Чжоу поспешно вытащил фотографию Тан Дундуна и сказал:

— Вот, его зовут Тан Дундун, он из другой школы.

Разница между Шан Цзинем и Тан Дундуном была просто огромна. Рядом с ним Шан Цзинь, с точки зрения парня, был достаточно красив, чтобы у него не было конкуренции. Так что же Е Чжоу видит хорошего в Тан Дундуна? Думая об этом, Шан Мин прямо спросил:

— Почему он тебе нравится?

— В любви нет «почему», но, — загадочно сказал Е Чжоу, — я полюбил его с первого взгляда. Тебе не кажется, что это драматично? Никогда не думал, что влюблюсь с первого взгляда.

— То есть ты его совсем не знаешь?

— Я узнаю его через некоторое время. Это также удовольствие — постепенно открывать сильные стороны другого человека в процессе знакомства друг с другом, — Е Чжоу был слегка небрежен, и он добавил: — На самом деле, просто непостижимо, чтобы мне нравится Шан Цзинь. Я мог бы полюбить даже Чжоу Вэньдао, но не смог бы полюбить Шан Цзиня. Кто такой Шан Цзинь? Враг, который вечно давит на меня!

— Враг? — сказал со смехом Шан Мин. — Я действительно не могу поверить, что он твой враг.

Согласно дню наблюдений, Шан Цзинь был довольно хаотичным человеком и точно не мог убраться на своём столе. Если связать это с обычным поведением Е Чжоу, то, скорее всего, это он его убрал. Все остальные столы в комнате были всё также в беспорядке, а если Е Чжоу помог только Шан Цзиню, то что это за враг такой?

Е Чжоу сухо кашлянул и сказал:

— Враг теперь друг. Когда дело доходит до него и меня, это тоже достаточно драматичное

зрелище. Когда в прошлом году началась школа...

Е Чжоу рассказал Шан Мину о почти всех своих годовичных происшествиях. Чем больше слышал Шан Мин, тем больше ему хотелось закатить глаза.

Двое парней подошли к пустому месту и сели. Шан Мин не стал сдаваться и вновь спросил:

— Я всё ещё не понимаю, что тебе нравится в Тан Дундуне?

— Разве я уже не сказал, что это была любовь с первого взгляда? Это похоже на любовь, какое драматичное начало...

Казалось, что Е Чжоу вообще не знает о другой стороне истории. Можно сказать, что он полностью исключил Шан Цзиня из возможного выбора. Но Шан Цзинь определённо не был похож на человека, который бы сидел и ждал своей смерти. Шан Мин спросил:

— А если бы однажды Шан Цзинь тебе признался?

— Как такое может быть?! — поспешно спросил Е Чжоу. — Разве я не сказал тебе, что после того недоразумения я сказал Шан Цзиню, что он мне не нравится, я повторял это множество раз. Как он мог бы такое сделать? Кроме того, Шан Цзинь — мой соперник. Он всегда давил на меня, так как я могу ему уступить?

Можно сказать, что Шан Мин это понимал. Е Чжоу с самого начала поставил Шан Цзиня на противоположную сторону. Даже если его чувства к Шан Цзиню изменились, то его положение в подсознании — нет. Точно также было с Тан Дундуном. Вначале он поставил его в положение любви с первого взгляда, поэтому, даже если он ничего о нём не знал и его чувства были не такими уж сильными, он повторял твердить, что тот ему нравится.

Шан Мин потёр виски. До тех пор, пока Е Чжоу этого не поймёт, даже если они с Шан Цзинем будут становиться всё ближе и ближе и их чувства станут сильнее, в их отношениях не будет развития. Если подумать об этом, Шан Цзиня было действительно жаль.

Через некоторое время, не услышав ответа Шан Мина, Е Чжоу толкнул его и спросил:

— О чём ты думаешь?

— Просто думаю, — вздохнул Шан Мин. — Люди могут быть глупыми, и они заслуживают большего.